

**Конспект по ознакомлению
с окружающей природой
«Разговор птиц весной».**

Виталий Бианки Птичьи разговоры.

Разговор птиц весной.

Маленькая сова – сплюшка из дупла: - Сплю! Сплю! Солнца нет, а свет – не люблю» Все сплю, сплю...

С большого мха, за лесом, объявляют журавли трубными голосами:

- Ут-рро! Ут-рро!

Красногрудая заряночка Терентию – Тетереву, заснувшему под кустом:

- Терентий! Терентий!

Проснись! Проснись!

С ружьем идут –

Убьют, убьют, убьют!

Журавли

Терентий – тетерев: - Проспал, пропал, пропал!

Загребел крыльями, перелетел в лес, сел – и:

- Удрал! Удрал!

Чечевица красноперая у всех спрашивает:

- Никиту видел?

Тришку видел?

Соловей:

- Мужик, мужик.

Сало.

Пек, пек, пек!

Тянул, тянул – тррр!

Ешь, ешь, ешь,

Гор – рячо!

Сова.

Лесной голубь – витютень:

- На дубу сижу, витютень,

На красу гляжу, витютень!

А бекасы, небесные барашки, падая из – под облаков:

- Теки, теки, теки, теки, ручей, маленький!

Черныш – кулик носится над лесом, кричит:

- Жгите сено, жгите сено, жгите сено! Новое поспело!

Терентий – Тетерев:

- Чу-шшь! Чушь! Продам шубу, продам шубу, - куплю...

А филин из темного леса:

- Шубу-у!

Терентий – Тетерев:

- Чу-шшь! Чушь!

Куплю балахон, балахон, балахон!

Филин: - Шубу-у!

Синица: - Синь кафтан, синь кафтан!

Тетерев: - Балахон, балахон, балахон!

Певчий дрозд с вершины ели:

- Пришла весна!

Всем, всем, всем!

Ликуй, ликуй, ликуй!

Все!

А сплюшка из дупла:

- Сплю! Сплю!

Когда же ночь?

Когда же мышей – то ловить?

Тьмы нет. Все свет!

Из книги «Лесные были и небылицы»
Синичкин календарь.
ЯНВАРЬ.

Зинька была молодая синичка, и своего гнезда у нее не было. Целый день она перелетала с места на место, прыгала по заборам, по ветвям, по крышам, - синицы народ бойкий. А к вечеру присмотрит себе пустое дупло или щелку какую под крышей, забьется туда, распушит попышней свои перышки, - кое как и переспит ночь.

Но раз – среди зимы – посчастливилось ей найти свободное воробьиное гнездо.

Помещалось оно над окном за оконницей. Внутри была целая перина мягкого пуха. И в первый раз, как вылетела из родного гнезда, Зинька заснула в тепле и покое.

Вдруг ночью ее разбудил сильный шум. Шумели в доме, из окна бил яркий свет.

Синичка испугалась, выскочила из гнезда и, уцепившись коготками за раму, заглянула в окно. Там в комнате стояла большая – под самый потолок елка, вся в огнях, и в снегу, и в игрушках. Вокруг нее прыгали и кричали дети.

Зинька никогда раньше не видела, чтобы люди так вели себя по ночам. Ведь она родилась только прошлым летом и много еще на свете не знала.

Заснула она далеко за полночь, когда люди в доме наконец успокоились и в окне погас свет.

А утром Зинька разбудил веселый, громкий крик воробьев. Она вылетела из гнезда и спросила их:

- Вы что, воробьи, раскричались? И люди сегодня всю ночь шумели, спать не давали. Что такое случилось?

- Как? – удивились воробьи, - Разве ты не знаешь, какой сегодня день?

Ведь сегодня Новый год, вот все и радуются – и люди и мы. Какой – Новый год? – не поняла синичка.

- Ах ты, желторотая! – зачирикали воробьи.

- Да ведь это самый большой праздник в году! Солнце возвращается к нам и начинает свой календарь! Сегодня первый день января.

- А что это «январь» - календарь?»

- Фу, какая ты еще маленькая! – возмутились воробьи.

- Календарь – по расписанию работы солнышка на весь год. Год состоит из месяцев, и январь – его первый месяц, носик года. За ним идет еще десять месяцев, – столько сколько у людей пальцев на передних лапах: февраль, март, апрель, май, июнь, август, сентябрь, октябрь, ноябрь. А самый последний месяц двенадцатый, хвостик года – декабрь. Запомнила?

Нет, - сказала синичка.

- Где же сразу столько запомнить! «Носик», «десять пальцы» и 2хвостик2 запомнила. А называются они все уж больно мудрено. Слушай меня, - сказал тогда Старый Воробей.

- Ты летай себе по садам, полям и лесам, летай да присматривайся, что кругом делается.

А как услышишь, что месяц кончается, прилетай ко мне.

И тут живу, на этом доме под крышей.

Я буду тебе говорить, как каждый месяц называется. Ты все их по очереди и запомнишь.

- Вот спасибо!- обрадовалась Зинька. – непременно буду прилетать к тебе каждый месяц. До свидания!

И она полетела и летала целых тридцать дней, а на тридцать первый вернулась и рассказала Старому Воробью все, что заметила.

И старый воробей сказал ей:

- Ну вот, запомни: январь – первый месяц года – начинается с веселой елки у ребят. Солнце с каждым днем понемножку начинает вставать раньше и ложиться позже, свету день ото дня прибывает, а мороз все крепчает, небо все в тучах. А когда проглянет солнышко, тебе, синичке, хочется петь. И ты тихонько пробуешь голос: «Зинь-зинь-тю! Зинь-зинь-тю!»

ФЕВРАЛЬ

Опять выглянуло солнышко, да такое веселое, яркое. Оно даже пригрело немножко, с крыши повисли сосульки, и по ним заструилась вода.

«Вот и весна начинается» - решила Зинька. Обрадовалась и запела звонко:

- Зинь – зинь - зинь! Зинь – зинь- зинь! Скинь кафтан!

Рано, пташечка, запела, - сказал ей Старый воробей. - Смотри еще,

сколько морозов будет, еще наплачемся.

Ну да! – не поверила синичка. – Полечу-ка нынче в лес, узнаю, какие там новости.

И полетела.

В лесу ей очень понравилось: такое множество деревьев. Ничего, что все ветки залеплены снегом, а на широких лапах елок вывалены целые сугробики, это даже очень красиво. А прыгнешь на ветку – снег так и сыплется и сверкает разноцветными искрами.

Зинька прыгал а по веткам стряхивала с них снег и осматривала кору. Глазок у нее острый, бойкий – на одной трещинки не пропустит.

Зинька тюк острым носиком в трещинку, раздолбитдырочку пошире – и тащит из-под корыкакого-нибудь насекомышка – букашечку.

Много насекомых набивается под кору – от холода. Зинька вытащить и съест. Так кормится. А сама причмечает, что кругом. Смотрит: лесная мышь из-под снега выскочила.

Дрожит, вся взъерошилась.

- Ты чего! – Зинька спрашивает.

- Фу, напугалась! – говорит лесная мышь.

Отдышалась и рассказывает:

- Бегала я в куче хвороста под снегом, да вдруг и провалилась в глубокую яму. А это оказывается медведицы берлога. Лежит она в ней медведица, и два махоньких новорожденных медвежонка у нее. Хорошо, что они крепко спали. Меня не заметили.

Полетела Зинька дальше в лес: дятла встретила, красношапочника. Подружилась с ним.

Он своим крепким носом большие куски коры ломает, жирных личинок достает.

Синичке после него тоже кое-что перепадает.

Летит Зинька за дятлом, веселым колокольчиком звенит по лесу:

- Каждый день все светлее, все светлее!

Вдруг зашипело вокруг, побежали по лесу, поземка, загудел лес и стало в нем темно, как вечером. Откуда ни возьмись налетел ветер, деревья закачались, полетели сугробики с еловых лап, снег посыпался, закрутился – началась пурга.

Зинька присмирела, сжалась в комочек, а ветер так и рвет ее с ветки, перья ерошит и леденит под ними тельце. Хорошо, что дятел пустил ее в свое запасное дупло, а то пропала бы синичка.

День и ночь бушевала пурга, а когда улеглась и Зинька выглянула

из дупла, она не узнала леса, так он весь был залеплен снегом. Голодные волки промелькнули между деревьями, увязая по брюхо в рыхлом снегу. Внизу под деревьями валялись обломанные ветром сучья, черные, с содранной корой.

Зинька слетела на один из них – поискать под корой насекомышей. Вдруг из-под снега зверь! Выпрыгнул и сел. Сам весь белый, уши с черными точками держит торчком. Сидит столбиком, глаза на Зиньку выпучил.

У Зиньки от страха и крылышки отнялись.

- Ты кто? – пискнула.

Я беяк. Заяц я. А ты кто?

- Ах заяц! – обрадовалась Зинька. – Тогда я тебя не боюсь. Я синичка.

Она хоть раньше зайцев в глаза не видела, но слышала, что они птиц не едят и сами всех боятся.

- Ты тут и живешь, на земле? – спросила Зинька.

- Тут и живу.

- Да ведь тебя тут совсем занесет снегом!

- А я и рад! Пурга все следы замела и меня занесла – вот волки рядом пробежали, меня и не нашли.

Подружилась Зинька и с зайцем. Так и прожила в лесу целый месяц, и все было: то снег, то пурга, а то и солнышко выглянет, - денек простоит погожий, но все равно холодно.

Прилетела к Старому Воробью. Рассказала ему все, что заметила, он и говорит:

- Запоминай: пурга да метели под февраль полетели. В феврале лютуют волки, у медведицы в берлоге медвежата родятся.

Солнышко веселей светит и дольше, но морозы еще крепкие. А теперь лети в поле.

МАРТ

Полетела Зинька в поле. Синичке ведь где хочешь жить можно: были бы хоть кустики, а уж она себя прокормит.

В поле, в кустах, жили серые куропатки – красивые такие полевые курочки с шоколадной подковкой на груди.

Целая стая их тут жила, зерна из-под снега выкапывала. – А где же тут спать? – спросила у них Зинька. – А ты делай, как мы, - говорят куропатки. – Вот гляди. Поднялись все на крылья, разлетелись пошибче - да бух с разлету в снег! Снег сыпучий, - обсыпался и

прикрыл их. И сверху их никто не увидит, и тепло им там, на земле, под снегом.

«Ну нет, - думает Зинька, - синички так не умеют. Поищу себе получше ночлег».

Нашла в кустах кем то брошенную плетеную корзиночку. Забралась в нее, да и заснула там. И хорошо, что так сделала. День-то простоял солнечный. Снег наверху подтаял, рыхлый стал. А ночью мороз ударил.

Утром проснулась Зинька, ждет – где же куропатки? Нигде их не видно. А там, где они вечером в снег нырнули, наст блестит – ледяная корка.

Поняла Зинька, в какую беду попали куропатки: сидят теперь, как в тереме, под дяденой крышей и выйти не могут. Пропадут там под ней все до одной! Что тут делать?

Да ведь синички – боевой народ. Зинька слетела на наст – и давай долбить его крепким своим, острым носиком. И продолбила, - большую дырку сделала. И выпустила куропаток из тюрьмы.

Вот уж они ее хвалили, благодарили!

Натаסקали ей зерен, семечек разных:

-Живи с нами, никуда не улетай!

Она и жила. А солнце день ото дня ярче, день ото дня жарче. Тает, тает в поле снег. И уж так его мало осталось, что больше не ночевать в нем куропаткам: мелок стал. Перебрались куропатки в кустарники спать, под Зинькиной корзинкой.

И вот, наконец, в поле на пригорках показалась земля. И как же все ей обрадовались!

Тут не прошло и трех дней откуда ни возьмись, уж сидят на проталинах черные, с белыми носами грачи.

Здравствуйте! С прибытием! Ходят важные, тугим пером поблескивают, носами землю ковыряют: червяков да личинок из нее потаскивают, крылышками замахала, что в одну минуту из глаз пропала.

И видит Зинька: треснул лед, как стекло. Это ручья – все, что набежали в реку, как понатужились, нажали снизу – лед и лопнул.

Лопнул и распался на льдины, большие и малые.

Река пошла. Пошла и пошла, - и уже никому ее не остановить.

Закачались по ней льдины, поплыли, бегут, друг друга кружат, а тех, что сбоку, на берег выталкивают.

Тут сейчас же и всякая водяная птица налетела, точно где-то здесь, рядом, за углом ждала: утки, чайки. Кулики-долгоножки. И, глядь.

сколько морозов будет, еще наплачемся.

Ну да! – не поверила синичка. – Полечу-ка нынче в лес, узнаю, какие там новости.

И полетела.

В лесу ей очень понравилось: такое множество деревьев. Ничего, что все ветки залеплены снегом, а на широких лапах елок вывалены целые сугробики, это даже очень красиво. А прыгнешь на ветку – снег так и сыплется и сверкает разноцветными искрами.

Зинька прыгала по веткам стряхивала с них снег и осматривала кору. Глазок у нее острый, бойкий – на одной трещинки не пропустит.

Зинька тюк острым носиком в трещинку, раздолбит дырочку пошире – и тащит из-под коры какого-нибудь насекомышка – букашечку.

Много насекомышей набивается под кору – от холода. Зинька вытащить и съест. Так кормится. А сама примечает, что кругом.

Смотрит: лесная мышь из-под снега выскочила.

Дрожит, вся взъерошилась.

- Ты чего! – Зинька спрашивает.

_ Фу, напугалась! – говорит лесная мышь.

Отдышалась и рассказывает:

- Бегала я в куче хвороста под снегом, да вдруг и провалилась в глубокую яму. А это оказывается медведицы берлога. Лежит она в ней медведица, и два махоньких новорожденных медвежонка у нее. Хорошо, что они крепко спали. Меня не заметили.

Полетела Зинька дальше в лес: дятла встретила, красношапочника.

Подружилась с ним.

Он своим крепким носом большие куски коры ломает, жирных личинок достает.

Синичке после него тоже кое-что перепадает.

Летит Зинька за дятлом, веселым колокольчиком звенит по лесу:

- Каждый день все светлее, все светлее!

Вдруг зашипело вокруг, побежали по лесу, поземка, загудел лес и стало в нем темно, как вечером. Откуда ни возьмись налетел ветер, деревья закачались, полетели сугробики с еловых лап, снег посыпался, закрутился – началась пурга.

Зинька присмирела, сжалась в комочек, а ветер так и рвет ее с ветки, перья ерошит и леденит под ними тельце. Хорошо, что дятел пустил ее в свое запасное дупло, а то пропала бы синичка.

День и ночь бушевала пурга, а когда улеглась и Зинька выглянула

Ледоломка вернулась, по берегу ножонками семенит, хвостом качает.

Все пищат, кричат, веселятся. Кто рыбку ловит, ныряет за ней в воду, кто носом в тину тыкает, ищет там что-то, кто мошек над берегом ловит.

- Зинь – зинь – хо! Зинь – зинь – хо! Ледоход, ледоход! – запела Зинька.

И полетела рассказать Старому Воробью, что видела на реке. И Старый Воробей сказал ей: - Вот видишь: сперва весна приходит в поле, а потом на реку. Запомни: Месяц, в который у нас реки освобождаются ото льда, называется апрель. А теперь лети – ка опять в лес: увидишь, что там будет.

И Зинька скорей полетела в лес.

МАЙ

В лесу еще было полно снегу. Он спрятался под кустами и деревьями, и солнцу трудно было достать его там. В поле давно уже зеленела посеянная с осени рожь, а лес все еще стоял голый. Но уже было в нем весело. Не то, что зимой. Налетело много разных птиц, и все они порхали между деревьями, прыгали по земле и пели, - пели на ветвях, на макушках деревьев и в воздухе. Солнце теперь вставало очень рано, ложилось поздно и так усердно светило всем на земле и так грело, что жить стало легко. Синичке больше не надо было заботиться о ночлеге: найдет свободное дупло – хорошо, не найдет – и так переночует где-нибудь на ветке или в чаще.

И вот раз ветерком ей показалось, будто лес в тумане. Легкий зеленоватый туман окутал все березы, осины, ольхи. А когда на следующий день над лесом поднялось солнце, на каждой березе, на всякой веточке показались точно маленькие зеленые пальчики: это стали распускаться листья.

Тут и начался лесной праздник.

Засвистал, защелкал в кустах соловей.

В каждой луже урчали и квакали лягушки. Цвели деревья и ландыши. Майские жуки с гуденьем носились между ветвями.

Бабочки порхали с цветка на цветок. Звонко куковала кукушка.

Друг Зиньки, дятел - красношапочник, и тот не тужил, что не умеет петь: отыщет сучок посуше и так лихо барабанит по нему носом, что по всему лесу слышна звонкая барабанная дробь.

А дикие голуби поднимались высоко над лесом и проделывали в воздухе головокружительные фокусы и мертвые петли. Каждый веселился на свой лад, кто как умел.

Зиньке все было любопытно. Зинька всюду поспевала и радовалась вместе со всеми.

По утрам на заре слышала Зинька чьи – то громогласные крики, будто в трубы кто – то трубил где – то за лесом. Полетела она в ту сторону и вот видит: болото, мох да мох, и сосенки на нем растут. И ходят на болоте такие большие птицы, каких никогда еще Зинька не видела, прямо с баранов ростом, и шеи у них длинные – длинные. Вдруг подняли они свои шеи, как трубы, да как затрубят, как загремят: Тррру-рру-у! Тррру-рру!

Совсем оглушили синичку. Потом один растопырил крылья и пушистый свой хвост, поклонился до земли соседям да вдруг и пошел в пляс: засеменял, засеменял ногами и пошел по кругу, все по кругу; то одну ногу выкинет, то другую, то поклонится, то подпрыгнет, то в присядку пойдет – умора!

А другие на него смотря, собрались кругом, крыльями враз хлопают. Не у кого было Зиньке спросить в лесу, что это за птицы – великаны, и полетела она в город к Старому Воробью.

ИЮНЬ

В лесу Зинька встретил зверька. Ты кто? – спросила Зинька.

- Заяц я, Беляк.

- Какой же ты беляк, когда ты серый? Я помню беляка: он весь белый, только на ушках черное.

- Это я зимой белый: чтобы на снегу меня видно не было. А летом я серый.

Ну и разговорились. Ничего, с ним не ссорились. А потом Старый Воробей и объяснил Зиньке:

- Это месяц июнь – начало лета. У всех нас, у птиц, в это время – гнезда, а в гнездах драгоценные яички и птенчики. К своим гнездам мы никого не подпускаем – ни врага, ни друга: и друг может нечаянно разбить яичко. У зверей тоже детеныши, звери тоже никогда к своей норе не подпускает. Один заяц без забот: растерял своих детишек по всему лесу, и думать о них забыл. Да ведь зайчаткам мать - и - мачеха нужна только впервые дни: попьют они материнское молочко несколько дней, а потом сами травку зубрят. Теперь, - прибавил Старый Воробей, - солнце в самой силе, и

самый длинный у него трудовой день. Теперь на земле все найдут, чем набит своим малышам животики.

ИЮЛЬ

- С новогодней елки, - сказал Старый Воробей, - прошло уже шесть месяцев, ровно полгода. Запомни, что второе полугодие начинается в самый разгар лета. А пошел теперь месяц июль. А это самый хороший месяц и для птенцов и для зверят, потому что кругом всего очень много и солнечного света. И тепла, и разной вкусной еды.

- Спасибо, - сказала Зинька и полетела.

«пора мне остепениться, - подумала она. - Дупел в лесу много. Займу, какое, мне понравится свободное, и заживу в нем своим домком!»

Задумать - то задумала, да не так просто оказалось это сделать. Все дупла в лесу заняты. Во всех гнездах птенцы. У кого еще крохотки, голенькие, у кого в пушку, а у кого и в перышках, да все равно желторотые, целый день пищат, есть просят.

Родители хлопочут, взад-вперед летают, ловят мух, комаров, ловят бабочек, собирают гусениц- червячков, а сами не едят: все птенцам носят. И ничего: не жалуются, еще песни поют.

Скучно Зиньке одной. Дай, думает, - я помогу кому-нибудь птенчиков покормить. Мне спасибо скажут».

Нашла на ели бабочку, схватила в клюв, ищет, кому бы дать.

Слышит - на дубу пищат маленькие щеглята, там их гнездо на ветке. Зинька скорей туда - и сунула бабочку одному щегленку в разинутый рот. Щегленок глотнул, а бабочка не лезет: велика больно.

АВГУСТ

После июля, - сказал Старый Воробей, - идет август. Третий - я, заметь себе это, - последний месяц лета.

Август, повторили Зинька. И принялась думать, что ей в этом месяце делать.

Ну, да ведь она была синичка, а синички долго на одном месте усидеть не могут. Им бы все порхать да скакать, по веткам лазить то вверх, то вниз головой. Много так не надумаешь.

Пожила немножко в городе - скучно. И сама не заметила, как опять

очутилась в лесу.

Очутилась в лесу и удивляется: что там со всеми птицами сделалось? Только что все гнали ее, близко к себе и к своим птенцам не подпускали, а теперь только и слышит: «Зинька, дети к нам!», «Зинька, сюда!», «Зинька, полетай с нами!», «Зинька, Зинька, Зинька!».

Смотрит – все гнезда пустые, все дупла свободные, все птенцы выросли летать научились. Дети и родители все вместе живут, так выводками и летают, а уж на месте никто не сидит, и гнезда им больше не нужны. И гостье все рады: веселей в компании – то кочевать.

Зинька то к одним пристанет. То к другим; один день с хохлатыми синичками проведет, другой – с гаечками – пухляками. Беззаботно живет: тепло, светло, еды сколько хочешь.

И вот удивилась Зинька, когда белку встретила и разговорилась с ней. Смотрит – белка с дерева на землю спустилась и что-то ищет там в траве. Нашла гриб, схватила его в зубы – я марш с ним назад на дерево. Нашла там сучочек острый, ткнула на него гриб, а есть не ест его: поскакала дальше. И опять на землю – грибы искать. Зинька подлетела к ней и спрашивает:

- Что ты, белочка делаешь? Зачем не ешь грибы, а на сучки их накладываешь?

- Как зачем? – отвечает белка. – Впрок собираю, сушу в запас. Зима придет – пропадешь без запаса.

Стала тут Зинька примечать: не только белки – многие зверюшки таскают в свои норки, набивают там свои кладовочки.

Начала и Зинька кое-что припрятывать на черный день: найдет вкусные семечки, поклюет их, а что лишнее – сунет куда-нибудь в кору, в щелочку.

Соловей это увидел и смеется:

- Ты что ж, синичка, на всю долгую зиму хочешь запасы сделать? Этак тебе тоже кору копать впору. Зинька смутилась.

А ты как же, - спрашивает, - зимой думаешь?

- Фьють! – свистнул соловей, - Придет осень, - я отсюда улечу. Далеко – далеко улечу, туда где и зимой тепло и розы цветут. Там сытно, как здесь летом.

- Да ведь ты соловей, - говорит Зинька, - тебе что: сегодня здесь спел, а завтра – там. А я синичка. Я где родилась, там всю жизнь и проживу. А про себя подумала: «пора, пора мне о своем домке подумать! Вот уж и люди в поле вышли – убирают хлеб, увозят с

поля. Кончается лето, кончается...».

СЕНТЯБРЬ

- А теперь какой месяц будет? – спросила Зинька у Старого Воробья.

- Теперь будет сентябрь, - сказал Старый Воробей. - Первый месяц осени.

И правда: уже не так стало жечь солнце, дни стали заметно короче, ночи - длиннее, и все чаще стали лить дожди.

Первым делом осень пришла в деревню, из деревни – в город.

Скоро совсем опустело поле, и ветер гулял в нем на просторе.

Потом раз вечером ветер улегся, тучи разошлись с неба. Утром Зинька не узнала поля: все оно было в серебре, и тонкие-тонкие серебряные ниточки плыли над ними по воздуху.

Одна - такая ниточка, с крошечным шариком на конце, опустилась на куст рядом с Зинькой. Шарик оказался паучком, и синичка, недолго думая, клюнула его и прогладила. Очень вкусно! Только нос весь в паутине.

А серебряные нити – паутинки тихонько плыли над полем, опускались на кусты, на лес, молодые паучки рассеялись так по всей земле. Покинув свою летательную паутинку, паучки отыскивали себе щелочку в коре или норку в земле и прятались в нее до весны.

В лесу уже начал желтеть, краснеть, буреть лист. Уже птичьи семьи – выводки собирались в стайки, стайки – в стаи. Кочевали все шире по лесу: готовились в отлет.

То и дело откуда-то неожиданно появлялись стаи совсем незнакомых Зиньке птиц – долгоногих пестрых куликов, невиданных уток. Они останавливались на речке, на болотах; день покормятся, отдохнут, а ночью летят дальше – в ту сторону, где солнце бывает в полдень. Это пролетали с далекого севера стаи болотных и водяных птиц.

Раз Зинька повстречала в кустах среди поля веселую стайку таких же, как она сама, синиц: белощекие, с желтой грудкой и длинным черными галстуком до самого хвостика. Стайка перелетела полем из леска в лесок.

Не успела Зинька познакомиться с ним, как из-под кустов с шумом и криком взлетел большой выводок полевых куропаток. Раздался

короткий страшный гром – и синичка, сидевшая рядом с Зинькой, не пискнув, свалилась на землю. А дальше две куропатки, перевернувшись в воздухе через голову, замертво ударились о землю.

Зинька до того перепугалась, что осталась сидеть, где сидела, ни жива, ни мертва.

Когда она пришла в себя, около нее никого не было – ни куропаток, ни синиц. Подошел бородатый человек с ружьем, поднул двух убитых куропаток и громко крикнул:

- Ау! Манюня!

С опушки леса ответил ему тоненький голосок, и скоро к бородатому подбежала маленькая девочка. Зинька узнала ее: та самая, что напугала в малиннике медведя. Сейчас у нее была в руках полная корзинка грибов.

Пробегая мимо куста, она увидела на земле упавшая с ветки синичку, остановилась, наклонилась, взяла ее в руки. Зинька сидела в кусту не шевелясь.

Девочка что-то сказала отцу, отец дал ей фляжку, и Манюня sprysнула из нее водой синичку. Синичка открыла глаза, вдруг вспорхнула – и забила куст рядом с Зинькой.

Манюня весело засмеялась и вприпрыжку побежала за уходившим отцом.

ОКТЯБРЬ

- Скорей, скорей! – торопила Зинька Старого Воробья. – Скажи мне, какой наступает месяц, и я полечу назад в лес: там у меня больной товарищ.

И она рассказала Старому Воробью, как бородатый охотник сшиб с ветки сидевшую рядом с ней синичку, а девочка Манюня sprysнула водой и оживила ее.

Узнав, что новый месяц, второй месяц осени, называется октябрь, Зинька живо вернулась в лес.

Ее товарища звали Зинзивер. После удара дробинкой крылышки и лапки еще плохо повиновались ему. Он с трудом долетел до опушки. Тут Зинька отыскала ему хорошенькое дуплишко и стала таскать туда для него червячков – гусениц, как для маленького. А он был совсем не маленький; ему было уже два года, и, значит, он был на целый год старше Зиньки.

Через несколько дней он совсем поправился. Стайка, с которой он летал, куда-то исчезли, и Зинзивер остался жить с Зинькой. Они очень подружились.

А осень пришла уже в лес. Сперва, когда все листья раскрасились в яркие цвета, он был очень красив. Потом подули сердитые ветры. Они сдирали желтые, красные, бурые листья с веток, носили их по воздуху и швыряли на землю.

Скоро лес поредел, ветки обнажились, а земля под ними покрылась разноцветными листьями. Прилетели с далекого севера, их тундр, последние стаи болотных птиц. Теперь каждый день прибывали новые гости из северных лесов: там уже начиналась зима.

Не все и в октябре дули сердитые ветры, не все лили дожди: выдавались и погожие, сухие и ясные дни. Нежаркое солнышко светило приветливо, прощаясь с засыпающим лесом. Потемневшие на земле листья тогда высыхали, становились жесткими и хрупкими. Еще кое-где из-под них выглядывали грибы – грузди, маслята.

Но хорошую девочку Манюню Зинька и Зинзивер больше уж не встречали в лесу.

Синички любили спускаться на землю, прыгать по листьям – искать улиток на грибах. Раз они подскочили так к маленькому грибу, который рос между корнями белого березового пня. Вдруг по другую сторону пня выскочил, серый, с белыми пятнами зверь. Зинька пустилась было наутек, а Зинзивер рассердился и крикнул: - Пинь-пинь-черр! Ты кто такой?

Он был очень храбрый и улетал от врага, только когда враг на него кидался.

- Фу! – сказал серый пятнистый зверь, кося глазами и весь дрожа.
- Как вы с Зинькой меня напугали! Нельзя же так топтать по сухим, хрустким листьями! Я думала, что лиса бежит или волк. Я же заяц, беляк я.

- Неправда крикнула ему с дерева Зинька. – Беляк летом серый, зимой белый, я знаю. А ты какой-то полубелый.

Так ведь сейчас не лето, ни зима. Вот и я ни серый, ни белый. – И заяц захныкал: - Вот сижу у березового пенька, дрожу, шевельнуться боюсь.

Снегу уже нет, а у меня уже клочья белой шерсти лезут. Земля черная.

Глупый птенчик старается, давится – ничего не выходит. И стал уже задыхаться. Зинька с испугу кричит, не знает, что делать. Тут

щеголиха прилетела. Сейчас – раз! – ухватила бабочку, вытащила у щегленка из горла и прочь бросила.

А Зинька говорит: - Марш отсюда! Ты чуть моего птенчика не погубила. Разве можно давать маленькому целую бабочку? Даже крылья ей не оторвала!

Зинька кинулась в чашу, там спряталась: и стыдно ей, и обидно. Потом много дней по лесу летала, - нет, никто ее в компанию к себе не принимает!

А что ни день, то больше в лес приходит ребят. Все с корзинками, веселые; идут – песни поют, а потом разойдутся и ягоды собирают: и в рот и в корзинки. Уже малина поспела.

Зинька все около них вертится, с ветки на ветку перелетает, и веселей синички с ребятами, хоть она их языка не понимает, а они – ее.

И случилось раз: одна маленькая девочка забралась в малинник, идет тихонько, ягоды берет. А Зинька над нею по деревьям порхает. И вдруг видит: большой страшный медведь в малиннике. Девочка как раз к нему подходит, - его не видит.

И он ее не видит: тоже ягоды собирает. Нагнет лапой куст – и себе в рот. «Вот сейчас, - думает Зинька, - наткнется на него девочка – страшилище это ее и съест! Спаси, спаси ее надо!»

И закричала с дерева по-своему, по - синичьему:

- Зинь-зинь-вень! Девочка, девочка! Тут медведь. Убегай!

Девочка и внимание на нее не обратила: ни слова не поняла. А медведь – страшилище понял: разом поднялся на дыбы, оглядывается: где девочка? «Ну, - решила Зинька, - пропала маленькая!»

А медведь увидел девочку, опустился на все четыре лапы – да как кинется от нее наутек через кусты!

Вот удивилась Зинька: «Хотел девочку от медведя спасти, а спасла медведя от девочки такое страшилище, а маленького человечка боится!»

С тех пор, встречая ребят в лесу, синичка пела им звонкую песенку:
Зинь-зинь-ле! Зинь-зинь-ле!

Кто пораньше встает,
Тот грибы себе берет,
А сонливый да ленивый,
Идут после за крапивой.

Эта маленькая девочка, от которой убежал медведь, всегда приходила в лес первая и уходила из леса с полной корзинкой.

Набегу по ней днем – сейчас меня все увидят. И так ужасно хрустят сухие листья! Как тихонько ни крадись, прямо гром из-под ног. Видишь, какой он трус, - сказал Зинзивер Зиньке. – А ты его испугалась. Он нам не враг.

Н О Я Б Р Ъ

Враг и страшный враг – появился в лесу в следующем месяце. Старый Воробей назвал этот месяц ноябрем и сказал, что это третий и последний месяц осени.

Враг был очень страшный, потому что он был невидимка. В лесу стали пропадать и маленькие птички и большие, и мыши, и зайцы. Только зазевается зверек, только отстанет от стаи птиц – все равно ночью, днем ли, - глядь, их уж и в живых нет.

Никто не знал, кто этот таинственный разбойник: зверь ли, птица или человек? Но все боялись его, и у всех лесных зверей и птиц только и было разговору, что о нем. Все ждали первого снега, чтобы по следам около растерзанного жертвы опознать убийцу. Первый снег выпал однажды вечером. А на утро следующего дня в лесу не досчитались одного зайчонка. Нашли его лапку. Тут же, на подтаявшем снегу, были следы больших, страшных когтей. Это могли быть когти зверя, могли быть когти и крупной хищной птицы. А больше ничего не оставил убийца: ни пера, ни шерстинки своей.

- Я боюсь, - сказала Зинька Зинзиверу. – Ох, как я боюсь! Давай летим скорей из лесу от этого ужасного разбойника – невидимки. Они полетели на реку. Там были старые дуплистые ивы - ракиты, где они могли найти себе приют.

- Знаешь, - говорила Зинька, - тут место открытое. Если и сюда придет страшный разбойник, он тут не может подкрасться так незаметно, как в темном лесу. Мы его увидим издалека и спрячемся от него.

И они поселились за речкой.

Осень пришла уже и на реку. Ивы – ракиты облетели, трава побурела и поникла. Снег выпадал и таял. Речка еще бежала, но по утрам на ней был ледок и с каждым морозцем он рос. Не было по берегам и куликов. Оставались еще только утки. Они кричали, что останутся тут на всю зиму, если река вся не покроется льдом. А снег падал и падал – и больше уже не таял.

Только было синички зажили спокойно, вдруг опять тревога: ночью неизвестно куда исчезла утка, спавшая на том берегу, - на края своей стаи.

- Это он, - говорила, дрожа, Зинька. - Это невидимка. Он всюду: и в лесу, и в поле, и здесь, на реке.

- Невидимок не бывает, - говорил Зинзивер. - Я выслежу его, вот постой!

И он целыми днями вертелся среди голых веток на верхушках старых ив - ракит: высматривал с вышки таинственного врага. Но так ничего и не заметил подозрительного.

И вот вдруг - в последний день месяца - стала река. Лед разом покрыл ее - и больше уж не растаял. Утки улетели еще ночью. Тут Зинька удалось наконец уговорить Зинзивера покинуть речку: ведь теперь враг мог легко перейти к ним по льду. И все равно Зиньке надо было в город: узнать у Старого воробья, как называется новый месяц.

ДЕКАБРЬ

Полетели синички в город, И никто, даже Старый Воробей, не мог им объяснить, кто это невидимый страшный разбойник, от которого нет спасенья ни днем, ни ночью, ни большим, ни маленьким.

- Но успокойтесь, - сказал Старый Воробей. - Здесь, в городе, никакой невидимка не страшен: если даже он посмеет явиться сюда, люди сейчас же застрелять его. Оставайтесь жить с нами в городе. Вот уже начался месяц декабрь - хвостик года. Пришла зима. И в проле, и на речке, и в лесу теперь голодно и страшно. А у людей всегда найдется для нас, мелких пташек, и приют и еда. Конечно, Зинька с радостью согласилась поселиться в городе и уговорила Зинзивера. Сперва он, правда, не соглашался, хорохорился, кричал.

- Пинь - пинь - черр! Никого не боюсь! Разыщу невидимку! Но Зинька ему сказала:

- не в том дело, а вот в чем: скоро будет Новый год. Солнышко опять начнет выглядывать, все будут радоваться ему. А спеть ему первую весеннюю песенку тут, в городе, никто не сможет: воробьи умеют только чирикать, вороны только каркают, а галки - галдят. В прошлом году первую весеннюю песенку солнцу спела тут я.

А теперь ее должен спеть ты.

Зинзивер, как крикнет:

- Пинь – пинь – черр! Ты права. Это я могу. Голос у меня сильный, звонкий, - на весь город хватит. Остаемся тут!

Стали они искать себе помещение. Но это оказалось очень трудно. В городе кое-что в лесу: тут и зимой все дупла, скворешник, гнезда, даже щели за окнами и под крышами заняты. В том воробьином гнездышке за оконницей, где встретила елку Зинька в прошлом году, теперь жило целое семейство молодых воробьев.

Но и тут Зиньке помог Старый Воробей. Он сказал ей:

- Слетайте-ка вон в тот домик, вон – с красной крышей и садиком. Там я видел девочку, которая все что-то ковыряла долотом в полене. Уж не готовит ли она вам – синичкам – хорошенькую дуплянку?

Зинька и Зинзивер сейчас же полетели к домику с красной крышей. И бородатого охотника, который чуть на смерть не застрелил

Зинзивера. Охотник одной рукой прижимал дуплянку к дереву, а в другой держал молоток и гвозди. Он наклонился вниз и крикнул:

- Так, что ли? И снизу, с земли, ему ответила тоненьким голоском Манюня:

- Так хорошо!

И бородатый охотник большими гвоздями крепко прибил дуплянку к стволу, а потом слез с дерева.

Зинька и Зинзивер сейчас же заглянули в дуплянку и решили, что лучшей квартиры они никогда и не видели: Манюня выдолбила полене уютное глубокое дуплишко и даже положила в него мягкого, теплого пера, пуха и шерсти.

Месяц пролетел незаметно; никто не беспокоил тут синичек, а Манюня каждое утро приносила им еду на столик, нарочно приделанный клетке.

А под самый Новый год случилось еще одно – последнее в этом году – важное событие. Манюнин отец, который иногда уезжал за город на охоту, привез невиданную птицу, посмотреть на которую сбежались все соседи.

То была большущая белоснежная сова, - до того белоснежная, что когда охотник бросил ее на снег, сову только с большим трудом можно было разглядеть.

- Это злая зимняя гостя у нас, - объяснял отец Манюне и соседям – полярная сова. Она одинаково хорошо видит и днем и ночью. И он, ее когтей нет спасенья ни мыши, ни куропатке, ни зайцу на земле, ни белке на дереве. Летает она совсем бесшумно, а как ее трудно

заметить, когда кругом снег, сами видите.

Конечно, ни Зинька, ни Зинзивер ни слова не поняли из объяснения бородатого охотника. Но оба они отлично поняли, кого убил охотник. И Зинзивер так громко крикнул: «Пинь – пинь – черр! Невидимка!» - что сейчас же со всех крыш и дворов слетели все городские воробьи, вороны, галки – посмотреть на чудовище.

А вечером у Манюни была елка, дети кричали и топали, но синички нисколько на них за это не сердились.

Теперь они знали, что с елкой, украшенной огнями, снегом и игрушками, приходит Новый год. А с Новым годом возвращается к нам солнце и приносит много новых радостей.